

Арсаланов Д.Ц.

Студент

*Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия
Россия, Иркутск*

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПО РЕШЕНИЮ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: Статья посвящена исследованию понятия мер пресечения. Приведены основания и условия применения мер пресечения. В статье проанализированы проблемные вопросы относительно оснований применения мер пресечений согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

Ключевые слова: меры пресечения, основания меры пресечения, меры обеспечения уголовного судопроизводства, досудебное расследование, подозреваемый, обвиняемый.

Arsalanov D.Ts.

Student

*East Siberian Branch of the Russian State University of Justice
Russia, Irkutsk*

Abstract: This article explores the concept of preventive measures. The grounds and conditions for applying preventive measures are presented. The article analyzes problematic issues regarding the grounds for applying preventive measures under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: preventive measures, grounds for preventive measures, measures to ensure criminal proceedings, pre-trial investigation, suspect, accused.

Введение

С целью создания надлежащих условий для досудебного

расследования и судебного разбирательства уголовного судопроизводства, обеспечения законного и обоснованного приговора суда в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) [5] содержится возможность применения ряда мер к подозреваемым и обвиняемым. Центральное место среди указанных мер принадлежит мерам пресечения. Как правило, их применение в отношении подозреваемых в ходе досудебного расследования и обвиняемых в судебном разбирательстве осуществляется в установленном законом порядке. Поэтому их избрание производится преимущественно одновременно или непосредственно после сообщения о подозрении.

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к обеспечению реализации принципа верховенства права в уголовном судопроизводстве вообще и при применении института мер пресечения в частности.

Суть проблемы состоит в том, что эффективность уголовного преследования как легитимная цель меры пресечения не должна подменять собой стандарты верховенства права. Применение меры пресечения должно служить обеспечению надлежащего процессуального поведения подозреваемого (обвиняемого), а результативность расследования не может достигаться ценой снижения требований к «обоснованному подозрению» или доказыванию рисков. Особое значение приобретает проблема понимания и применения стандарта «обоснованное подозрение» как первичного основания ограничения свободы, ведь именно этот стандарт ограничивает допустимое вмешательство от произвольного задержания и содержания под стражей.

Отдельные вопросы меры пресечения в уголовном судопроизводстве изучали А. В. Величко, И. Я. Фойницкий, К. Ф. Гуценко, Ю. Д. Лившиц, Н. Г. Муратова, Л. К. Трунова, А. В. Фокин и др.

Целью статьи является анализ теоретико-правовых основ обоснования применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Методологическая основа исследования формируется из комплекса общенаучных и частноправовых юридических методов познания, среди которых системный, структурно-функциональный подход, а также формально-логический метод и другие. Применение системного подхода делает возможным рассмотрение правовых процессов как целостной взаимосвязанной структуры. Посредством контент-анализа процессуальных документов выявляются факторы, которые должны учитываться в соответствии со ст. 99 УПК РФ при избрании меры пресечения. Структурно-функциональный подход позволяет определить устойчивые взаимосвязи между элементами совокупности таких обстоятельств и выявить их роли и функции. Формально-логические методы — анализ, синтез, сравнение — обеспечивают аргументацию полученных выводов.

Результаты исследования

Среди основных проблем уголовно-процессуальной науки одно из ведущих мест занимает проблема применения процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. При этом важна проблема применения в уголовном процессе такого вида мер как меры пресечения.

Проблема применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве относится к важнейшим и одновременно сложным проблемам науки уголовного процесса.

Меры пресечения являются частью мер процессуального принуждения. Уделяя особое внимание мерам пресечения как инструменту обеспечения уголовного правосудия, законодатель в главе 13 УПК РФ (статья 98) выделил виды мер пресечения [5].

Суд, используя содержащуюся в статье 98 УПК РФ систему мер пресечения, имеет возможность, учитывая тяжесть и характер уголовного правонарушения, индивидуализировать применение данных мер [4, с.158].

Конституцией Российской Федерации [3] и международными правовыми актами [2] гарантируются права и свободы человека, которые

не должны быть нарушены при применении мер пресечения, а именно, подозреваемый либо обвиняемый имеет право на защиту, справедливое судебное разбирательство и презумпцию невиновности.

Таким образом, правовое регулирование обоснованности и необходимости применения мер пресечения в уголовном процессе РФ является важным элементом обеспечения справедливости и эффективности правосудия. Это сложный и многогранный процесс, который требует тщательного подхода и учета многих обстоятельств для достижения баланса между интересами правосудия и правами и свободами человека. Самым главным является акцент именно на обеспечение достаточных, относимых, достоверных, допустимых доказательств как особого наполнения процесса доказывания при избрании конкретного вида и объема меры пресечения.

Решение о выборе меры пресечения всегда носит индивидуальный характер и определяется совокупностью фактических обстоятельств конкретного уголовного дела, которые оцениваются правоприменителем на основе внутреннего убеждения. В этой связи представляется спорным отнесение обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ, к числу специальных условий применения отдельных мер, например, домашнего ареста. В отличие от оснований, условия закреплены в законе, обладают стабильным характером и подлежат обязательному учету при вынесении процессуального решения. Наличие оснований указывает на целесообразность избрания, в частности, заключения под стражу, тогда как предусмотренные законом условия выступают внешними рамками, обеспечивающими правомерность такого решения.

Перенос такого признака, как применение насилия либо угрозы его применения, из категории оснований в разряд условий существенно сужает усмотрение следователя. Подобный жесткий подход нельзя признать оптимальным. И хоть его строгость частично компенсируется предусмотренными законом исключениями (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ),

действующая система таких исключений не охватывает все возможные ситуации. В частности, остаются вне внимания случаи наличия непогашенной судимости, повторного совершения преступлений либо уклонения от органов расследования.

В пояснениях к внесенным изменениям отмечается, что их цель заключалась в сокращении практики изоляции от общества лиц, привлекаемых за преступления небольшой и средней тяжести при отсутствии угрозы расследованию или риска продолжения противоправной деятельности. Однако действующая модель регулирования одновременно исключает возможность применения ареста и в тех случаях, когда обвиняемый фактически препятствует расследованию, продолжает совершать преступления или когда цели уголовного судопроизводства невозможно обеспечить более мягкими мерами. В результате, запрет на заключение под стражу по делам о ненасильственных преступлениях при отсутствии специальных оснований, может повлечь неблагоприятные последствия для общественной безопасности. В связи с этим положения пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ нуждаются в дополнительной конкретизации.

Законодатель значительно сузил круг преступлений, по которым допускается заключение под стражу. Такие изменения касаются деяний средней тяжести, предусматривающие наказание свыше трех лет лишения свободы. В настоящее время такая мера применяется, преимущественно, в отношении преступлений, сопряженных с насилием или угрозой применения его, что позволяет выделить самые опасные преступления и исключить арест по делам о неосторожных деяниях данной категории.

Вместе с тем следует учитывать, что за отдельные неосторожные преступления средней тяжести уголовный закон предусматривает достаточно суровые санкции — вплоть до лишения свободы сроком до 10 лет. К таким деяниям относятся, например, нарушения правил дорожного движения, повлекшие гибель нескольких лиц, либо халатность с

аналогичными последствиями. Ранее уголовно-процессуальные нормы не исключали возможность применения заключения под стражу при расследовании подобных дел [1, с.169].

В последние годы в сфере регулирования мер пресечения произошли существенные изменения, как на уровне законодательства, так и в правоприменительной практике. Так, в 2018 году УПК РФ был дополнен новой статьей 105.1, в которой содержится новая мера пресечения, а именно запрет определенных действий. Данная мера рассматривается как более мягкая альтернатива заключению под стражу и домашнему аресту. При выборе конкретной меры ключевое значение имеют обстоятельства, подлежащие оценке в соответствии со статьей 99 УПК РФ. В дальнейшем, в 2019 году, законодатель усилил их роль, закрепив обязанность учитывать данные факторы при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей в статье 109 Кодекса. Практика расследования и судебного рассмотрения дел показывает, что значимость указанных обстоятельств существенно возросла.

Рост количества мер пресечения и более тщательный анализ обстоятельств при их избрании свидетельствуют о тенденции к смягчению уголовно-процессуальной политики и ее ориентации на гуманизацию.

Вместе с тем преодоление излишне репрессивного характера данной сферы невозможно за счет отдельных точечных изменений. Проблема носит системный характер и связана с особенностями институционального развития уголовного процесса в России, который сформировался в условиях незавершенной судебной реформы. Действующая модель, включая механизм судебного контроля за избранием мер пресечения на досудебных стадиях, во многом сохраняет черты модернизированной советской системы. Хотя введение судебного контроля на этапе предварительного расследования стало важным шагом вперед, но оно само по себе не обеспечило полноценной состязательности при решении вопросов о применении мер пресечения.

Кроме институциональных факторов, следует учитывать и более широкий контекст — влияние современных технологических и цифровых изменений. Российская правовая система, по-прежнему, во многом опирается на инструменты регулирования, сформированные в иной исторический период и не полностью соответствующие актуальным социальным условиям.

В этой связи возникает объективная необходимость разработки новой концепции реформирования института мер пресечения, которая должна быть взаимосвязана с преобразованием системы предварительного расследования и глубокой модернизацией уголовного судопроизводства на основе принципов состязательности. Однако реализация подобных преобразований осложняется преобладанием следственной доктрины, ориентированной на сохранение сложившейся практики и воспроизводство традиционных подходов.

Юридическая определенность в применении мер пресечения проявляется в двух взаимосвязанных плоскостях. Первая — нормативная: закон должен четко и однозначно определять цель, основания, условия, субъектов, сроки и процессуальные гарантии применения мер, в том числе содержания под стражей. Именно поэтому УПК РФ устанавливает рамочные критерии: двуединое основание (обоснованное подозрение + риски), порядок обращения с ходатайством, процедуру судебного разбирательства, требования к срокам и механизмы пересмотра ограничения свободы. Вторая плоскость — правоприменительная: даже при наличии детально выписанной процедуры юридическая определенность может быть разрушена практикой «шаблонных» решений, когда закон применяют формально, без надлежащей конкретизации фактических оснований и без демонстрации причинно-следственной связи между обстоятельствами дела и необходимостью именно такой степени ограничения свободы. В таком случае норма перестает выполнять гарантийную функцию и превращается в инструмент легализации

неконтролируемого усмотрения.

Особое внимание требует проблема юридической определенности в части аргументации судебного решения. В сфере мер пресечения закон требует, чтобы ограничение свободы основывалось на обоснованном подозрении и доказанных рисках, однако сами эти категории не могут функционировать как «словесные маркеры» без наполнения конкретным содержанием. Если суд ограничивается ссылкой на тяжесть подозрения или формально повторяет список рисков без индивидуализации, возникает дефицит юридической определенности: человек не может предусмотреть логику судебного вмешательства, а апелляционный пересмотр не способен эффективно проверить правильность применения закона.

В этом контексте юридическая определенность тесно связана с динамическим характером контроля за ограничением свободы. Временное измерение критически важно: то, что могло быть достаточным в начале, не гарантирует законности продления содержания под стражей в дальнейшем, если суд не демонстрирует обновление фактической основы оснований и не объясняет, почему риски не уменьшились. Именно поэтому стандарт юридической определенности должен включать требование к обновленному обоснованию при каждом продлении срока: суд должен показать, что решение является следствием актуальной оценки фактов, а не инерционного продолжения прежней позиции.

Следовательно, «качество закона» и юридическая определенность в применении мер пресечения служат фундаментальными предохранителями от произвола и одновременно критериями легитимности ограничения свободы. Их обеспечение требует не только надлежащего нормативного регулирования, но и практики индивидуализированного, доказательно подкрепленного и структурированно мотивированного судебного контроля. Только при таких условиях меры пресечения выполняют свою процессуальную функцию обеспечения действенности судопроизводства, не превращаясь в инструмент косвенного наказания или

формального административного управления свободой человека.

Обоснованное подозрение является первичной и базовой предпосылкой правомерности ограничения свободы в уголовном судопроизводстве, поскольку именно оно ограничивает допустимое применение мер пресечения от произвольного лишения свободы. Его значение состоит в том, что любое решение о задержании или содержании под стражей не может основываться на предположениях, общих характеристиках лица или абстрактном «интересе правосудия», а должно опираться на фактические данные, достаточные для вывода о вероятной причастности лица к инкриминируемому деянию. Именно поэтому обоснованное подозрение выступает первым фильтром, который обеспечивает непроизвольность вмешательства в свободу и задает нижнюю границу доказательной определенности, без которой любые дальнейшие рассуждения о рисках, пропорциональности или альтернативности становятся юридически несостоятельными.

Для обеспечения юридической определенности в применении мер пресечения ключевым является то, как суд операционализирует стандарт обоснованного подозрения в своей аргументации. Речь идет не об установлении виновности, а о проверке того, является ли подозрение фактическим, конкретным и связанным с диспозицией уголовно-правовой нормы, а не декларативным. Именно поэтому судебное решение должно фиксировать, какие именно факты или источники информации положены в основу заключения об обоснованности подозрения, какова их совокупность и почему она соответствует порогу «объективного наблюдателя». При отсутствии такого анализа подозрение превращается в процессуальную фикцию, а лишение свободы - в произвольное вмешательство, что противоречит логике верховенства права.

Следовательно, обоснованное подозрение как первый (базовый) фильтр правомерности ограничения свободы имеет две взаимосвязанные характеристики: оно устанавливает минимальный доказательный порог,

необходимый для любого лишения свободы, и одновременно определяет границы судебной дискреции, запрещая «компенсировать» дефицит фактов предположениями или общими соображениями. Реализация этого стандарта требует от суда структурированной оценки фактической основы подозрения и ее соответствия конвенционному порогу «объективного наблюдателя», что является необходимым условием для дальнейшей оценки рисков, пропорциональности и альтернативности мер пресечения.

Следовательно, риски как прогностическое основание применения мер должны быть как реальная, фактически подкрепленная вероятность конкретного поведения, способная воспрепятствовать уголовному судопроизводству. Их правомерное использование требует от стороны обвинения доказательной конкретизации, а от суда — структурированной проверки и мотивированного заключения, отражающего причинно-следственную связь между установленными обстоятельствами и необходимостью именно такой степени ограничения свободы, включая оценку альтернатив. Запрещение шаблонов в этой сфере является не стилистическим требованием, а ключевым инструментом верховенства права, что предотвращает произвол и обеспечивает контролируемость дискреции при лишении свободы.

Заключение

Применение мер пресечения как вида обеспечения уголовного судопроизводства является одним из основных вопросов, возникающих в процессе досудебного расследования и судебного судопроизводства. Проведя анализ оснований избрания мер пресечения, можно сделать вывод, что указанные вопросы в связи с многочисленными изменениями уголовно-процессуального законодательства и совершенствованием следственно-судебной практики требуют дальнейшего научного обоснования и доработки. Поэтому только комплексное применение предусмотренных УПК РФ оснований применения мер пресечения способно объективно содействовать в принятии процессуального решения

и обеспечить гарантии прав и свобод личности.

Формирование современного взгляда на развитие уголовной юстиции и роль мер пресечения требует отказа от устаревших положений советской правовой теории, а также переосмысления подходов, сформировавшихся в переходный период. Современные реалии объективно диктуют необходимость критического пересмотра традиционных концепций, лежащих в основе правового регулирования применения мер пресечения.

Реализация верховенства права в практике применения мер пресечения должна рассматриваться как операционный стандарт судебного контроля за ограничением свободы, а не как декларативная основная формула. В этой сфере верховенство права проявляется, прежде всего, в требованиях произвольности, юридической определенности, пропорциональности и эффективной контролируемости решений, поскольку именно они обеспечивают баланс между задачами уголовного преследования и гарантиями права на свободу и личную неприкосновенность. Решающим является то, что судебный контроль должен быть содержательным: он должен превращать утверждение стороны обвинения в проверяемую систему фактических и правовых аргументов, исключая возможность замены доказывания предположениями или шаблонными конструкциями.

Практические рекомендации по унификации и повышению качества судебной практики целесообразно сформулировать как алгоритм минимальных стандартов для решений о применении и продлении мер пресечения. Во-первых, в мотивировочной части определения судьи должен быть выделен отдельный блок оценки обоснованного подозрения с указанием совокупности фактических данных, подтверждающих ее пороговую обоснованность, с четкой оговоркой о недопустимости подмены этого стандарта доказанностью вины. Во-вторых, по каждому риску должны быть приведены конкретные индикаторы, подтверждающие

его реальность, а не гипотетичность; общие формулы или ссылки на тяжесть подозрения как универсальный аргумент должны рассматриваться как недостаточные. В-третьих, суд должен обязательно осуществлять тест пропорциональности и альтернативности: указывать, какие менее инвазивные меры рассматривались, почему они не способны нейтрализовать доказанные риски, и почему выбранное мероприятие минимально необходимо. В-четвертых, при продлении сроков содержания под стражей должен применяться «тест обновления»: сторона обвинения должна представить обновленные фактические основания подозрения и рисков, а суд - отразить в решении актуальную оценку, а не повторение предыдущих доводов; отдельно должен быть обоснован временной параметр продления с привязкой к конкретным процессуальным действиям. В-пятых, для минимизации злоупотреблений и формализма целесообразно использование стандартизированной структуры мотивирующей части определения (подозрение → риски → альтернативы → пропорциональность → сроки/обновление), что повышает проверяемость судебного решения и эффективность апелляционного контроля.

Учитывая приведенное, усовершенствование практики применения мер пресечения должно происходить не путем расширения репрессивных инструментов, а путем повышения качества судебного контроля и доказательной дисциплины, что обеспечивает реальное, а не формальное воплощение верховенства права в сфере ограничения свободы личности и способствует формированию единой и конвенционно совместной национальной практики.

Использованные источники:

1. Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т.31. – № 2(97). – С. 165–

170.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 10 декабря 1998 г.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 1416.
4. Соколов Е.С., В.С. Им Понятие, виды и классификации мер пресечения в уголовном судопроизводстве России //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. - № 10-2 (37). – С. 158-160
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29. – Ст. 5227